

Юдин Юрий
Что такое хорошо и что такое плохо
Эпистолы о стихотворстве

рецензия на сборник В. Крёкова «Соломенный мост» – Кемерово, 1996
// Кузнецкий край. – 1997. - № 71. – 28 июня. – С. 6.

На первый взгляд, Виталий Крёков поэт очень простодушный, этим и интересен. Обыкновенно он работает с исконной, первобытной, неприкрашенной эмоцией, очень банальной, но оттого не менее действенной: любой его читатель испытывает сходные чувства по сходным поводам, и оттого так приятно разделить с автором пафос прощания с юностью, где «день-деньской музичит свежий ветер / Сухими отшелушками берёз», светлую печаль, разлитую в пейзаже родимых мест, и даже простодушную ксенофобию: «На Урманане татарьё. / Они не любят русской рожки. / Наладили житьё своё / И сами на себя похожи...». Поэзию такого рода, привольную и не прихотливую, так и подмывает описать с помощью какой-либо тривиальной метафоры: реки, текущей по равнине, или дерева с крепким корнем.

Поэтический космос Крёкова аскетически просто устроен и крайне редко населён: несколько видов растений, среди которых абсолютное большинство составляют, понятно, берёзки, да несколько поселений, в которых проживают обладатели простых нравов и простых ремёсел. Соответственно и арсенал выразительных средств нарочито небогат: традиционный метрический репертуар – пяток самых употребительных размеров; очень скупой лексикон с ненавязчивыми вкраплениями диалектизмов и просторечий, чаще в энергичных глаголах (типа *варначить*), чем в эпитетах; иногда следы имажинистской образности, унаследованной, конечно, от Есенина; очень приблизительная рифма (на протяжении одной короткой пьесы можно встретить сначала *любви / земли*, а после *сходни / любовью*), воспринимаемая не как приём, а именно как великодушная небрежность: не в рифмах же, дескать, счастье... Словом, очень знакомая поэтика, которая с виду кажется совершенно избавленной от высокомерных претензий, твёрдо знает свой метод и предмет, а когда забывает о них, то кажется опасно граничащей с графоманией:

...Но упоительно бродить
По листьям скрюченным, оглохшим,
Себя щепотью осенить,
Вздыхая, вспомнить род усопших.
И то, что к тридцати годам
Июньских роц аплодисменты
Уже напоминают нам
О сверхгигантском континенте... –

но зато, когда остаётся в подвластных ей пределах, способна создавать строки, исполненные непринуждённой гармонии, не почувствовать прелесть которой может только абсолютно глухой к поэзии человек:

А за рекой березняки насквозь.
Там, оголяя воздух полунищий,
Мужик забьёт в сухую доску гвоздь
И следующий в шурупах ржавых ищет.

Читать такие стихи очень легко, а временами радостно; сказать же что-нибудь новенькое о поэзии, которая сама по себе никакой новизны не ищет, почти невозможно. Но мне в стихах Крёкова всегда мерещилось какое-то двойное дно, некая странная двусмысленность. Настораживала прежде всего его абсолютная непредсказуемость, удивительным образом уживающаяся с совершенной традиционностью: вслед за замечательными строчками, подобными вышеприведённым, одна из следующих пьес может открываться крутым зачином: «Просвечивает солнце зеленыя...» – и т. п., в стиле: *рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку...* – я, понятно, слегка утрирую, но лишь для того, чтобы подчеркнуть тенденцию. Как в одном стихотворце может уживаться изощрённый мастер и не вполне грамотный дилетант – голова понимать отказывалась, и казалось, что временами в этих стихах берёт верх чистый лирик, а остальное – очень тонкая мистификация.

Когда мне довелось познакомиться с автором, это впечатление только усилилось: странными казались и его косноязычные монологи, в которых очень наивные суждения перемежались с тонкими и здравыми, и творческое поведение – готовность читать и печатать стихи где угодно, от престижных центральных изданий до студийных сборничков и конкурсов для начинающих, наконец, сама его манера декламации, исполненная утрированной важности, от которой вроде бы только один шаг до издевательского перформанса в духе Дмитрия Александровича Пригова или Эдички Лимонова. В общем, диапазон впечатлений – от детской непринуждённости до лукавого юродства, у которого, как известно, в русской поэзии тоже есть своя традиция: можно вспомнить, например, Николая Клюева, который любил появляться на люди в несколько опереточном мужицком, как теперь говорят, *прикиде* и в разговоре старательно окал, а между тем был европейски образованным человеком, читавшим немцев и французов в подлиннике. Иногда эта маска так прирастала к лицу, что начинала определять и душевный склад, и саму судьбу поэта: так было с ортодоксальными обериутами – Введенским, хармсом, Олейниковым. Между прочим, многие строки крёковской поэмы «Данилкино утро» кажутся изготовленными в совершенно хармсовской манере:

Таня стул выносит,
Мне велит садиться,
Голову целует,

Подаёт гостинцы.
Будет этот день мне
Часто вспоминаться, –
Как бежал, от счастья,
На траву валяться.

Традиции такой *плохописи*, непременно связанной с использованием образом недалёкого и косноязычного лирического героя, в отечественной словесности также богато представлена – от знаменитого графа Хвостова до современного песнопевца Алексея Хвостенко. Но и на этом фоне *случай Крёкова* представляется уникальным. Скажем, Алексей К. Толстой или Александр Жемчужников *настоящие* стихи подписывали собственным именем, а стихи *в образе* – псевдонимом Козьма Прутков; Фёдор Михайлович Достоевский, царство ему небесное, писал плохие оды к императрице Марии Фёдоровне с понятной целью уклонения от тягот и лишений солдатчины, для реализации же подлинно гениального поэтического проекта предпочёл укрыться за собственным персонажем – капитаном Лебядкиным. У Крёкова, за вычетом случайных и проходных пьес (которых, по правде говоря, в сборнике немало), две эти манеры письма могут свободно смешиваться на протяжении одного короткого стихотворения. «Мне нравятся очень обои», как говаривал тот же Козьма Прутков; определять же их удельный вес здесь, конечно, не место – так же, как и решать вопрос, сознательная ли это стратегия или просто дрейф в океане ненужных возможностей. В конце концов ирония вещь недоказуемая, и критическая *привычка разъяснять* должна же где-нибудь остановиться. И заметки эти были затеяны с другой целью – показать, что в книжке Виталия Крёкова найдётся чем поживиться и невзыскательному любителю так называемой *тихой лирики*, и самому рафинированному эстету.